

Қырғтәылатәи ССР Анауақауа рааадемия
Д. И. Гулия ихьз зхьу Аҧснытәи абызшәи, алиературен атоурыхьи
ринститут

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
დ. ი. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის
ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия
Академии наук Грузинской ССР

XVII
НАУЧНАЯ СЕССИЯ АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
(итоги научно-исследовательских работ 1968 года)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Қырғтәылатәи ССР Анауақауа ракадемия
Д. И. Гулиа ихьз зхьу Аҧснытәи абызшәеи, алитературеи атоурыхьи
ринститут

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
დ. ი. გულიას სახელობის აფხაზეთის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის
ინსტიტუტი

Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа
Академии наук Грузинской ССР

XVII
НАУЧНАЯ СЕССИЯ АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
(итоги научно-исследовательских работ 1968 года)

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Сессия состоится в помещении Абхазского института (ул. Руставели, 28) 25—26 февраля с. г. с 10 до 2 часов (утренние заседания) и с 3 до 6 часов (вечерние заседания)

Редактор: Ш. Д. Инал-Ипа

Порядок слов в атрибутивном комплексе абхазского языка

1. Анализ порядка слов в абхазском атрибутивном комплексе показывает, что место определения (субстантивного, адиективного) в основном фиксировано.

Позиция определения главным образом зависит от разновидностей частей речи.

В атрибутивном комплексе представлены:

а) препозитивно: субстантивное определение (афьза и-шэкэы «товарищ его книга» = «книга товарища», абзарбзан а-бжьы «пушка ее голос» = «голос пушки»), некоторые инфинитные глагольные образования, т. н. «причастия» исеихэаз ажэабжь «весть, которую он (чел.) сообщил (сказал) мне», итэоу ажэ «сидящая королева...»), указательные местоимения (ари атыс «эта птичка», абри ашэкэы «эта книга», убри абаа «та крепость...»), притяжательные местоимения (сара сымхы «моя нива», лара лымхы «ее нива», дара рымхы «их нива...»), определительное местоимение есы (есы уаха «каждую ночь»), неопределенное местоимение азэы (азэы и-бзиара «благополучие, счастье кого-то»), количественные числительные до двадцати (ф-камбашьк «два буйвола», х-цлак «три дерева», жэа-саатк «десять часов...»), порядковые числительные (актэи аномер «первый номер», ахпъатэи абригада «третья бригада», афшьбатэи аетаж «четвертый этаж...»);

б) постпозитивно: качественное имя прилагательное (абахча хучы «садик маленький», ауафь гьангьаш «человек хитрый», ажэабжь фьц «весть свежая», алыгажэ рыцха «старик несчастный», арашь шкэакэа «конь белый...»), определительное местоимение зегьы (ауаа зегьы «люди все»).

в) лабильно: количественные числительные после двадцати (фьнфэжэа кэардэ || акэардэкэа фьнфэжэа «сорок стульев», шэ-уасак || уася-шэки «сто овец...»), собирательные числительные (аиашьцэа ашэ-фькгы «сто братьев», ахфь аамыстцэа «три дворянина...»).

Отклонения от этих норм, как правило, носят индивидуальный языковой характер (ср. карандашъ каѣшьыла «карандашом красным» и каѣшьы карандашьла «красным карандашом»).

2. Видами синтаксической связи (resp. способами словосочетания) в атрибутивных комплексах являются порядок слов (основной вид), примыкание и согласование (в классе и числе).

3. Историко-сравнительное изучение порядка слов в атрибутивных комплексах абхазского и других иберийско-кавказских языков, в частности, картвельских, вызывает научный интерес к целому ряду конкретных, а порой, и теоретических вопросов их синтаксиса как в синхронном, так и диахронном аспекте.

Предметная символика и пластика художественного образа

1. Изобразительность, живописность присуща художественному слову по своей природе. Но когда речь идет об обогащении поэтических средств средствами другого искусства, важно остановить свое внимание на тех элементах поэзии, которыми она больше всего сближается с живописным образом (словесное изображение внешности людей, пейзажа, всего многообразия явлений окружающего мира).

2. Живописность характерна не для всякой поэтической системы. Так, например, поэзия символистов, в сравнении с поэтами пушкинской школы, не отличалась живописностью образа. Символизм воспринимал видимый мир не пластически, а через музыкальное настроение.

3. В докладе рассмотрены конкретные приемы создания живописно-наглядного образа в поэзии: предметно-символический образ, метафора, сравнение, эпитет, портретные описания и т. д. Эти вопросы раскрываются на примере поэтических произведений Б. Шинкуба и других абхазских поэтов.

4. На основе пока проделанной работы можно сделать вывод о том, что живописно-пластическое видение — наиболее характерное стилевое направление в современной абхазской поэзии.

Ақыта аетнографиатэ бзазара аңсуа сахьаркыратэ литератураҕы

1. Исахьаркыу асыратэ литература раҕхьатэи аҕизара аперид аан иаха ианыңшуеит жэлэр ретнографиатэ бзазара. Ускан уи имҕсахзакуа иаланагалонт ажэлэр рҕабзкуа, ретнографиатэ бзазара зныңшуа аригуалкуа, адинхатаракуа, ишьтнах'уеит егырт амоменткуагы жэпакы.

2. Асыра аныкамыз аамтазы афольклор нуниверсализ, жэлэр рыҕстазара аганкуа зегь зныңшуаз, зегь «еилазыг-зоз» факторын амилат рыҕстазараҕы. Аңсуа сахьаркыратэ литератураҕы хзыхцэажэо аперид аҕы хытхырта хадас иҕаз, «аныкуашыа» зыҕнаттаауаз жэлэр рҕаҕытэ рҕиара экун. Асиужеткуа, амотивкуа, атематика, сахьаркыратэ цхыраагзакуа ухэа алитература-ҕа «иахьаңсах'уа» афольклор аҕы ауп.

3. Аңсуа жэлэр рҕабытэ рҕиара ианыңшуеит дара рыҕстазара, рыхныкугашыакуа, рҕабзкуа. Ус анакуха, афольклор хутакны иалоуп иаха зымехак тбаау аетнографиатэ бзазара. Убри аҕнытэ алитература, еихарак раҕхьатэи аҕиарамса аперид аан, ахы ианархуонт жэлэр ретнографиатэ бзазарахьтэ ирацэаны аматериалкуа.

4. Хлитература ашьатаркыцэа Д. Гулией С. Чанбей, агазет «Аңсны» иеиднакылаз апоетцэа ҕарацэа рплеада (И. Кобониа, М. Ахашба, П. Чкадуа, Ш. Хокьерба), а-30-тэи ашыкус куа рзы иеицагылаз ашэкуцэа (Л. Кутниа, Шь. Цэыцба, Кь. Агумаа, Л. Лабахуа, И. Папаскыыр, Б. Шынкуба) ршымтакуа рҕы иахҕылоит имачымкуа аңсуа қабзкуа ирызкыу, ма изныңшуа, урт иахьырзаатгыло рацэаны.

5. Еихарак аетнографиатэ бзазара аматериалкуа «шеибгаз» излалаз, ишьтызхыз апрозатэ шымтакуа роуп: Д. Гулиа ироман «Камачыч», иажэабжыкуа, С. Чанба иповест «Сендык», М. Ахашбей, З. Дарсалией ражэабжыкуак.

6. Ишаабо еиңш, аңсуа литература афольклори аетнографиатэ бзазарей рматериалкуа хархуара шрызнауа есқынгы иеиңшзам. Хымҕада, раҕхьазатэи аперид аан арт

аңхыраагзакуа исахьаркыу алитература ирацэаны иаланагалон, аха асыражэа иаха-иаха иҕиаңыңхьаза, иара аңызто ашэкуцэа рҕазара иазхаңыңхьаза, урт рыкапан, иааньрыкыло атың иаха имачхоит; рхархуашыагы аеаңсах'уеит, ашымтакуа рсахьаркрей ридеи рхырхартакуа рышьашэалара аганахьала.

Аџстѣкуа ирызк'у аџсуа лакукуа рхаѣсахьакуак рзы

1. Ажѣларкуа зегьы ркны еиџш, аџсуаа рѣаџыц хѣам-такуа рѣгы иахџылоит аџстѣкуа ирызк'у алакукуа (аџстѣкуа репос). Цабыргыуп, аџсуа фольклор аѣы егырт алакутѣ гуџкуа (анашанатѣ, абзатаратѣ) рааста аџстѣкуа ирызк'у алакукуа хыџхьазарала еиха имацуп.

2. Аџстѣкуа ирызк'у алакукуа ирымоуп дара злалукааша ачыдаракуа. Арака, шамахамзар, иуџылом аметафора, аиѣырџшра. Реиѣартѣышья мариоуп, анашанатѣ лакукуа реиџш атрадициатѣ лагамтакуеи антѣамтакуеи рымам.

3. Аџстѣкуа ирызкыу аџсуа лакукуа ижѣытѣзатѣиу рѣиамтакуоуп. Дара ирныџшит ажѣытѣзатѣи ауаа ртотемтѣ дунеихуаџшышья иадхѣалоу аидеиакуа. Рышьяатакуа ажѣытѣра ишаларсу агура хзыргаша афактѣкуа аабоит аџсуаа рыбзазараѣгы. Аџсуа этнографиатѣ бзазараѣы уажѣы аакыыс-кьанзагы имызыцкуа икан аџстѣкуа ркульт ашьта-мта.

4. Алакукуа рѣы зызбаху хѣоу еихаразакгы аџсуаа ирзааиуаз, Аџсны аџсабара икуз аџстѣкуеи аџсаатѣкуеи роуп. Ажѣлар интѣкааны иазгуартѣит аџстѣы иарбанзаалакгы иара злакоу аџсабаратѣ кѣзшьякуа.

5. Аџсуа лакукуа рѣы иахџыло аперсонажѣкуа зегьы реилыргара хѣаламхалакуа, харзаатгылоит ихадароу акыкѣбак. Арака атыџ ду ааныркылоит акуџьмеи, амшѣи, абгахучи рхаѣсахьакуа. Акуџьмеи амшѣи ианагѣ амч ду рыманы, игыгшѣыгны иаарџшуп. Абгахучы ианагѣ иаѣыстаауп, мчыла акумѣкуа ѣыстаарылоуп ахы шныѣкунаго, аиааира шаго. Аѣнатѣ џстѣкуа (азыс, атсыс, ахѣыс, ухѣа убас егыртгы) шамахамзар иразу, акулара кѣзшья змам лакутѣ персонажѣкуоуп.

6. Аџстѣкуа ирызкыу алакукуа ажѣытѣза ирымаз рѣа-кы рыџсахит. Иара убри ала прозала ирѣиоу ажѣамаана-куа ирзааиуахейт.

7. Аџсуа шѣкуѣѣѣа азѣырѣы (Д. И. Гулиа, Б. В. Шьынкуба ухѣа убас егыртгы) аџстѣкуа ирызкыу алакукуа рсиужетѣкуа ирылхны имацымѣкуа асахьаркыратѣ рѣиамтакуа хлитѣратура иаларгалахейт.

О коренизации государственного аппарата власти в Абхазии (1921 — 1932 гг.)

1) Коренизация государственного аппарата власти непосредственно связана с ленинской национальной политикой Коммунистической партии. В коренизации органов государственной власти и управления, в переводе делопроизводства на национальные языки выражается национальная форма советской государственности.

Проблема коренизации складывалась из двух взаимосвязанных вопросов — введение родного языка во все сферы государственной и общественной деятельности и привлечение в органы власти и управления представителей коренного населения, знающих язык, культуру и бытовые особенности населения данного края.

2) Коренизация государственного аппарата в национальных республиках осуществлялась в процессе строительства советского многонационального государства. И эта политика получила свое закрепление в программных документах нашей партии и законодательных актах советского государства.

В Абхазии в первые годы коренизация проходила медленно и в трудных условиях. Не хватало кадров национальной интеллигенции, отсутствовала литература, необходимая для делопроизводства, не была разработана соответствующая терминология и т. д. Вместе с тем требовалось, чтобы в органы государственного управления республики были пропорционально представлены все национальности, населяющие многонациональную республику.

3) Несмотря на все эти трудности, партийные и советские органы Абхазии, под непосредственным руководством и с помощью Закрайкома ВКП(б) и ЦК Компартии Грузии, провели значительную работу по проведению в жизнь политики коренизации. Большое внимание при этом уделялось подготовке кадров национальной интеллигенции, без которой невозможно было осуществить эту сложную задачу.

4) Одним из важных мероприятий явился перевод делопроизводства на местные национальные языки. В начале 1926 года абхазский, грузинский и русский языки были признаны официальными языками делопроизводства в Абхазии.

5) Много внимания уделялось коренизации аппарата власти. По данным переписи 1926 года, абхазы составляли 27,8% всего населения республики, грузины — 33,6%, русские — 6,2%, армяне — 12,8% и представители др. национальностей — 19,6%. А между тем в аппарате управления республики абхазов было только 8,3%, грузин — 23%, русских — 44,9%, армян — 6,9%, греков — 6,8%, представителей других национальностей — 10,1%.

Правительством Абхазии был принят ряд важных мер по рассматриваемому вопросу. К 1931 году в центральном аппарате власти абхазов стало 9,2%, а в низовом — 18,8%, грузин соответственно — 25,4% и 27,1%, русских — 42,6% и 34,4%, армян — 6% и 7,3%, греков — 3,9% и 6,3%, других — 12,9% и 6,1%.

6) Коренизация была в основном завершена в период строительства социализма в нашей стране. Проведение ее способствовало упрочению союза рабочего класса с крестьянством, дружбы народов, укреплению советской национальной государственности, приобщению трудящихся масс различных национальностей к государственному управлению, правильному осуществлению ленинской национальной политики Коммунистической партии.

Партийные организации Абхазии в борьбе за развитие пищевой промышленности республики в пятой пятилетке (1951 — 1955 гг.)

1. Быстрый рост материального положения трудящихся в послевоенный период требовал ускорения строительства и ввода в действие новых пищевых предприятий. Важнейшими стройками пятилетки были Чубурхинджская, Киндгская, Окумская, Гудаутская и Драндская чайные фабрики. Их строительство осуществлялось специально созданным Сухумским строительно-монтажным управлением треста «Грузчай-строймонтаж». Абхазский обком и райкомы партии постоянно держали под своим вниманием ход строительных работ и принимали необходимые меры по обеспечению новостроек стройматериалами, оборудованием, а также рабочей силой, направляли усилия первичных партийных организаций и коллективов строек на современное выполнение намеченного объема работ. В результате все объекты в установленные сроки вступили в строй действующих предприятий. Уже к концу пятилетки в Абхазии работало 10 чайных фабрик, оснащенных новой отечественной техникой.

2. В пятой пятилетке расширились мощности мясомолочной и рыбной промышленности. За эти годы вошли в эксплуатацию молочные заводы в Сухуми и Гагра, Гагрский мясокомбинат, Сухумский рыбокомбинат и другие предприятия. В 1953 г. начал давать продукцию пивоваренный завод в Сухуми.

3. Ввод в действие новых мощностей, внедрение современной техники, высокий трудовой подъем рабочих обеспечили непрерывный рост производства продукции пищевой промышленности. За пятилетие производство байхового чая увеличилось в 1,9 раза — с 2396,7 т в 1950 г. до 4490,1 т в 1955 г. Причем, почти половину чая первичной обработки — 2070 т — дали предприятия, вступившие в эксплуатацию в пятой пятилетке. Значительно вырос выпуск мяса, рыбы, колбасных изделий, началось производство пива и молочных продуктов.

4. В некоторых отраслях пищевой промышленности новые мощности не вводились, но благодаря настойчивой борьбы партийных организаций за внедрение современной техники, дальнейшее совершенствование технологических процессов, а также экономное расходование сырья и материалов наблюдается значительное увеличение объема продукции. Так, выпуск папирос вырос в 1,5 раза, производство кондитерских изделий — в 1,8 раза, плодоовощных консервов — в 1,3 раза, безалкогольных напитков — в 1,4 раза.

5. В результате ввода в действие новых мощностей, технической реконструкции старых предприятий, пищевая индустрия продолжала занимать ведущее положение в промышленном производстве Абхазии — она давала более половины всей промышленной продукции.

Г. П. ЛЕЖАВА

Из истории формирования рабочего класса Абхазии (1921 — 1940 гг.)

1. Научное определение социальной структуры общества в период социалистического строительства, познание изменений, происходящих в ней, а также тенденции этих изменений играют важнейшую роль в решении вопроса о роли того или иного класса в данной социальной структуре.

2. До установления Советской власти эксплуататорские классы в Абхазии составляли 17% (18.172 чел.), крестьяне-единоличники и некооперированные кустари — 71% (75.288 чел.), пролетариат деревни и города — 5% (10.276 чел.), служащие — 7% (12.054 чел.). К 1926 году удельный вес крестьян-единоличников вырос до 79% (158.584 чел.), а удельный вес эксплуататорских классов уменьшился до 7% (13.554 чел.), в том числе 6% составляли кулаки (12.501 чел.), рабочие — 5% всего населения (10.276 чел.), служащие — 6% (12.054 чел.). В годы социалистического строительства самым большим социальным слоем оставалось крестьянство, однако его удельный вес уменьшается с 79% в 1926 г. до 62% в 1939 г. и 44% в 1959 г. Причем в корне изменилась природа крестьянства — оно превратилось в новую большую социальную группу — колхозное крестьянство.

3. Что же касается рабочего класса, то он вырос в значительную социальную группу с общей численностью до 65 890 человек. В 1939 году удельный вес рабочего класса СССР составлял 32,5%, Грузинской ССР — 19,5%, Азербайджанской ССР — 25,1%, Армянской ССР — 17,6%, а в Абхазии он равнялся 21%¹.

4. Изучение изменения численности и состава рабочего класса Абхазии представляет собой важную составную часть проблемы формирования и развития рабочего класса республики.

С 1921 по 1940 г. резко увеличилось число рабочего класса Абхазии. Так, по данным переписи населения, в

¹ Численность и удельный вес дается с членами семей.

1926 году из всего занятого населения—97 338 чел.—рабочих и служащих было 11 328 чел. (11,7%); в 1939 году их число выросло до 62 519 чел. (39,5%), из общего числа занятого населения 158 447 чел. За эти же годы число рабочих увеличилось почти в шесть раз—с 6 413 чел. до 36 634 чел. и их удельный вес среди занятого населения вырос почти в 4 раза.

5. Существенные изменения претерпела отраслевая структура рабочего класса. Если в 1926 г. в сельском хозяйстве было занято 4 232 рабочих, т. е. 66% всех рабочих, то в 1939 г.—5 127 чел., или 14%. Однако за эти же годы количество занятых в промышленности рабочих выросло с 604 чел. до (9%) 7 984 чел. Соответственно увеличилось число рабочих строителей с 171 чел. (3%) до 4 279 чел. (12%). Аналогичное положение наблюдается на транспорте и некоторых других сферах производства.

6. Изменилось соотношение городских и сельских рабочих, рабочих по полу. Так, в 1928 г. городских рабочих насчитывалось 2 004 чел., а в 1939 г.—20 668 чел. В сельских местностях их число за эти годы выросло с 4 409 до 15 966 чел. Рабочие женщины выросли с 1 604 чел. до 13 931, а мужчины с 4 799 чел. до 22 703 чел.

7. Национальный состав рабочего класса Абхазии характеризуется следующими данными: рабочих абхазов в 1926 году было всего 165 чел. (2,5% всех рабочих), грузин—1 382 чел. (21,5%), остальные составляли представители других национальностей. В 1939 году удельный вес рабочих-абхазов увеличился до 5% (1 839 чел.), а грузин хотя абсолютное число увеличилось до 5 343 чел., но удельный вес уменьшился до 14,6%. В то же время удельный вес рабочих других национальностей увеличился с 76% до 80,4%, из них русских—53,5%.

8. Благодаря последовательному осуществлению ленинской национальной политики, в результате победы социализма в Абхазской АССР происходит процесс формирования национальных кадров рабочего класса. Характерной особенностью этого процесса является то, что в Абхазской АССР, как и в ряде других союзных и автономных республик, происходит формирование многонационального советского рабочего класса.

О необходимости сочетания планомерности и стоимости в социалистическом обществе

1. Осуществление в ряде социалистических стран важных изменений в системе планирования общественного производства требует научной разработки широкого круга теоретических вопросов. Среди них первостепенной проблемой, поставленной жизнью, является объяснение необходимости сочетания централизованного планового управления экономикой с оперативной хозяйственной самостоятельностью социалистических предприятий.

2. При социализме управление производством «сверху» и «снизу» представляет объективную необходимость. Это обусловлено тем, что «мы имеем дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что выходит как раз из капиталистического общества» (К. Маркс). Иначе говоря, чтобы понять закономерности социализма, раскрыть их суть, прежде всего, надо исходить из того, какие производительные силы переходят к нам в наследство от прошлого.

3. Как указывал В. И. Ленин, «...равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может». Отсюда ясно, что социализм неизбежно получает в наследство от капитализма неодинаково развитые производительные силы в масштабе всего народного хозяйства. Поэтому на весь период социализма сохраняется различная степень обобществления отдельных отраслей и предприятий. В силу этого остается известное обособление составных звеньев производства.

4. Неравномерный уровень развития производства вызывает возникновение двух различных видов труда—непосредственно общественного и обособленного. Это значит, что при социализме одна часть труда обобществляется в масштабе всего народного хозяйства, в то время как степень обобществления других видов затрат не выходит за рамки отдельного

предприятия. Существование двух качественно различных видов труда не может, конечно, не отразиться на экономической структуре социалистического общества. Оно в свою очередь приводит к установлению двояких самостоятельных производственных отношений: планомерных и стоимостных.

5. Планомерные и стоимостные отношения по своей сущности в принципе различны. Но на этом основании неверно полагать, будто они не могут сосуществовать. Планомерность и стоимость в социалистическом обществе составляют диалектическое единство, которое вызвано тем, что эти отношения внутренне свойственны социалистическому строю. Существование последних обусловлено различным уровнем обобществления производства и их нельзя отменить никакими административными мерами.

6. Нормальное функционирование социалистического способа производства возможно лишь в результате приведения в движение всех присущих ему и планомерных, и стоимостных отношений. Однако в обществе, как и в природе, отсутствует абсолютное равновесие различных тенденций. Развиваясь неравномерно, они никогда полностью не уравниваются. В процессе развития обычно какая-либо тенденция всегда имеет доминирующее значение. В единстве планомерности и стоимости господствующую, ведущую роль играет планомерность. Она «обуздывает» характерную для стоимости, как таковой, стихийность и ставит ее себе на службу.

7. Таким образом, несмотря на то, что базис социалистического общества является однотипным, тем не менее структура его остается неоднородной. Он состоит из непосредственно общественного и обособленного труда, соответственно из планомерных и стоимостных отношений. Возникает серьезная проблема, как обеспечить управление производством, включающим в себя различные по своему характеру экономические отношения.

Правильно решить эту задачу можно лишь в том случае, если исходить из диалектической взаимозависимости содержания и формы. Как известно, любая форма всегда порождается определенным содержанием. Социалистическое производство имеет не одинаковую структуру. Значит, естественно, управление им нельзя осуществить по единой схеме. Форма управления обязательно должна соответствовать реальной структуре производства. В той мере, в какой труд в социалистическом обществе носит непосредственно общественный характер, управлять производством следует центра-

лизованно, а поскольку труд остается обособленным, предприятиям нужно представлять известную хозяйственную самостоятельность. Другими словами, управление социалистической экономикой должно строиться на сочетании закона планомерного развития народного хозяйства и закона стоимости.

О двух источниках истории Абхазии

1. В конце 70-х годов X века, при первом царе объединенной Грузии Баграте III, был составлен список предшествовавших ему владетелей и царей Абхазии. Это — так называемый «Диван абхазских царей», который содержит 21 имя царей и годы правления многих из них.

2. «Диван абхазских царей» ценен в том отношении, что он, в сравнении с другими синхронными материалами, позволяет установить последовательный список правивших в Абхазии и Зап. Грузии лиц, примерно в VII—X вв.

3. В анонимном сочинении XI в. «Матианэ Картлисай» («Летопись Грузии») упоминается, как известно, о недошедшей до нас отдельной летописи Абхазского царства, условно названной в науке «Жизнь абхазов».

4. Анонимный грузинский историк XI века — автор «Матианэ Картлисай» — при изложении политических событий VIII—X веков и участия в них Абхазского царства, в частности, использовал, по всей вероятности, сообщения «Жизни абхазов». Эти материалы, взятые из названной хроники и сохранившиеся в «Матианэ Картлисай», позволяют предположить, что «Жизнь абхазов», в отличие от «Дивана абхазских царей», представляла собой пространную историю Эгрисо-Абхазии VIII—X веков.

5. «Жизнь абхазов» составлялась, по-видимому, в X веке, до политического объединения феодальной Грузии, ибо после этого вероятно не было политических мотивов для написания отдельной истории Абхазского царства. Новые политические условия требовали уже составление единой истории Грузии, результатом которого явилось историческое сочинение XI в. «Матианэ Картлисай».

6. «Диван абхазских царей» и «Жизнь абхазов» — два различных исторических сочинения, которые были составлены в одну и ту же эпоху (X в.) и дополняли друг друга.

Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около сел. Хуап

1. Исследуемый памятник находится в 4—5 км к северу от сел. Хуап. Он был открыт в 1967 г. при содействии жителей этого села Куасты Хашыг и Мирода Гожба. Наличие родника, остатков кладки (т. н. ацангуаров) и известковой печи, расположенных поблизости памятника, указывает на то, что прежде здесь был населенный пункт.

2. Памятник представляет церковь зального типа. Та часть церкви, которую занимает алтарная абсида, сама оказалась очень маленькой первоначальной церковкой со своей собственной алтарной абсидой, имеющей свой, приставленный к стене престол. Однако со временем с запада к ней была пристроена новая зальная часть с тремя дверными проемами, прежняя же церковка была вся целиком превращена в глубокий алтарь с новым престолом.

3. Кладка первоначальной церкви исполнена грубоотесанным камнем, имеющим в основном правильную форму прямоугольных квадратов. Так же облицованы и внутренние стены церковки, причем кладка эта была рассчитана на последующую штукатурку, частично сохранившуюся. Имеется двухступенчатый цоколь. Кладка пристроенной части сильно отличается от кладки основной церковки. Камни очень грубо околоты, они разные по размерам, отсутствует горизонтальность рядов. Так же отличается и цоколь. Конха и своды основной церкви сложены из более легкого материала — пористого туфа. Из этого же материала высечено и навершие алтарного оконного проема. Торцы продольных стен основной церковки после перестройки превратились в идущие несколько скошенно широкие заплечики абсиды. Такая скошенность с обеих сторон абсиды была несомненно преднамеренной и служила для создания впечатления перехода одного помещения в другое.

4. При расчистке памятника были найдены черепки кувшинов, служивших голосниками, и другой керамической посу-

ды, датируемой IV—XI вв.; обломки круглых оконных стекол синего цвета, датируемых X—XI вв. Особенный интерес представляет находка фрагментов костяной резной пластины (первый случай подобной находки на территории Абхазии) с барельефным изображением стилизованной виноградной лозы, которая может быть отнесена к раннему средневековию и быть предметом местного происхождения.

5. У порога западного входа были найдены рога косули, представляющие дарственные приношения охотников, что обычно связано с культом св. Георгия, унаследовавшего функции языческого божества охоты, что позволяет считать патроном церкви именно этого святого.

6. Фрагменты оконного стекла, найденные у наружной стены пристройки, датируют это сооружение X—XI вв., а первоначальная же церковка может быть отнесена к раннему средневековию.

Работа над памятником еще не завершена. Несомненно дальнейшее изучение его даст уточнение и дополнительные сведения об его исторической жизни.

Датировка изображений грота Агца

1. В 1940 г. автору этих строк при помощи группы альпинистов удалось обследовать небольшой грот Агца, расположенный близ с. Анухва Абхазская на отвесной скале, на высоте около 30 м. Здесь было найдено три слоя начертаний разных эпох. Хотя они были опубликованы автором еще в 1960 г., более точная их датировка выяснилась лишь в наше время.

2. Нижний слой начертаний относится к концу среднего палеолита. Он отражает магический обряд «размножения дичи».

3. Между нижним и верхним слоем начертаний найдено изображение «рогатки», глубоко врезанное каменным орудием в стену. Это, несомненно, прототип «абордзала» — атрибута божества Афы — абхазского громовержца.

Среди кремневых орудий верхнепалеолитической стоянки, расположенной у подошвы скалы Агца, найдено несколько орудий, принадлежащих к типу Т- и У-образных орудий, выделяемых исследователями палеолита Средиземноморья в особую группу магического, тотемного характера. По форме они приближаются то к «абордзалу», то к очертаниям головы бизона-зубра. Очевидно, это слияние двух образов вызывалось ассоциацией молнии: копыта Афы с его жертвенным животным — быком.

4. Средний слой начертаний также выполнен каменным орудием. Здесь имеется ряд вертикальных зигзагообразных линий: молний Афы. В стороне изображена очень схематично миниатюрная фигурка с полукруглыми придатками по сторонам осевой линии, вероятно обозначающими женские груди. Осевая линия, продолжаясь, разделяет на две части полукруглую высокую шапку, заменяющую голову.

Такая трактовка головы находит аналогию в двух схематических изображениях. Одно из них вырезано в песчанике в известном местонахождении петроглифов в Кобыстане — к югу от г. Баку и несомненно изображает великую мать все-

го живущего — Кибеллу, стоящую на пантере. Другое вырезано на абхазском женском ящичке для рукоделий — «адапа» и относится к XVIII—XIX вв. Оно сопровождается зигзагообразными линиями-молниями и имеет 3 руки. Возможно здесь изображена богиня рукоделия и ткачества Ерыш.

Большое сходство шапки, замещающей голову у всех трех фигурок с хеттским иероглифом «царь», позволяет считать их изображением богинь. Фигурка грота Агца, вероятно, «царица пчел», у абхазов Анана Гунда. Подобно Кибелле, она считается покровительницей женщин и брачных союзов, содействующих размножению народа. Она же-богиня диких зверей и охоты. Здесь изображение ее уместно, так как грот Агца всегда был местом, где гнездились пчелы.

Сходство головы фигурки с хеттским иероглифом позволяет датировать средний пояс начертаний временем хеттского царства, в основном, первой половиной II тысячелетия до н. э.

5. Верхний слой начертаний, содержащий надписи, выполненные шрифтом «асомтаврули», и изображения крестов, относится к раннему средневековью. Четкое изображение «абордзала», а также композиция из семи кругов, представляющая «гороскоп Соломона», убедительно говорит о том, что в это время (а, вероятно, и гораздо раньше) грот Агца являлся не только святилищем, но и местом прорицаний.

6. Доказанная многотысячелетняя связь грота Агца с культом небесного огня и культом размножения, роль святилища прорицалища, позволяет поставить вопрос о преемственности в обитании этих мест с глубочайшей древности.

Об Эшерском античном городище

1. Археологические работы в сел. Нижняя Эшера Сухумского района, произведенные Абхазским институтом языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР в 1968 году, являются началом изучения остатков многослойного античного поселения городского типа с охватом площади около трех га.

2. Произведенными археологическими раскопками устанавливается, что на территории городища сохранились развалины капитальных зданий, фундаменты которых были сложены из битого камня и булыжника на сухой кладке. Кровлей сооружений служили солены и калиптеры, отличающиеся по своей форме от известных нам античных черепиц.

3. На городище найдено большое количество фрагментов местных и частично привозных керамических изделий (амфоры, горшки, пифосы, кострюли, канфары, миски и т. д.)

4. Находка прямоугольной формы жернова из туфа, приводимого в движение при помощи горизонтальной ручки, характерной для античной эпохи, дает основание считать, что население городища было знакомо с этим зернообрабатывающим орудием, являвшимся более продуктивным и требовавшим меньшей затраты силы, чем до сих пор известные круглые жернова с вертикальными ручками.

5. Глиняные подвески пирамидальной формы разных размеров, засвидетельствованные на городище, свидетельствуют, что и ткацкое ремесло стояло здесь на уровне своего времени.

6. Наличие большого количества шлаков и керамического брака на значительной площади — прямой показатель существования на этом месте широкого гончарного производства, где изготовлялись амфоры, горшки, пифосы, водопроводные трубы, черепицы и т. д.

7. По предварительным данным, в составе раскопного и подъемного материала присутствуют изделия с эпохи раннего эллинизма, причем среди памятников материальной

культуры превалирующее положение занимают местные предметы, что должно указывать на активное участие коренного населения в городской жизни.

8. О местном характере городского населения свидетельствует и раскопанная рядом с городищем богатая могила рубежа IV—III вв. до н. э. По обряду захоронения и инвентарю эта могила принадлежала одному из представителей местной знати, пользовавшемуся при жизни как местными, так и привозными древнегреческими предметами и украшениями (килик, лекиф, махайра, печать-перстень).

9. Бронзовая групповая культовая фигурка с изображением всадника, собаки, бараньих головок и других орнаментальных мотивов, обнаруженная также в этом погребении, не имеет пока аналогии себе вне Абхазии. Следовательно, вещь должна отражать еще малоизвестные нам древнейшие религиозные обряды абхазов, видимо, связанные с культом скотоводческого божества, плодородия, размножения и охранительной силы (Айтар — Алышкынтыр).

Опыт этнической характеристики дольменной культуры Абхазии

1. Дольмены — древнейшие наземные погребальные сооружения Северо-западного Кавказа, в которых хоронили покойников с эпохи энеолита и местами чуть ли не до рубежа н. э. — связываются с предками абхазо-адыгских племен. Положение об этой связи, недостаточно еще аргументированное, может получить, надо полагать, существенное подтверждение в результате научной увязки и сопоставления археологических материалов с филолого-этнографическими. И эта проблема ждет еще своего исследователя, тем более, что в существующей литературе немало путаницы и неясности.

2. Одним из главных аргументов в пользу «абхазо-адыгской» этнической принадлежности дольменов является полное совпадение ареала их распространения с исконным расселением названных племен. Это — территория между бассейнами Кодора на юго-востоке и Кубани на северо-западе, которая выделяется и общностью ряда других древних этнографических признаков (например, конусообразные жилища, скрывание жениха, двухструнные смычковые инструменты, песенный рефрен «уарада», легенды о карликах, нартский эпос и др.).

3. Появление таких памятников, как дольмены, не может быть случайным. Оно связано с определенными важными сдвигами в развитии общества и его мировоззрения, прежде всего с новым религиозным осмыслением загадочного для первобытного человека явления смерти, с охватившими его заботами о загробной жизни, которые на Северо-западном Кавказе конкретно проявились в массовом создании герметически замкнутых погребальных камер, рассчитанных на исключительную долговечность. Встречающееся в литературе определение дольменов как «домиков для души» вполне соответствует идущему от древности анимистическому представлению о человеческой душе и ее связях с телом.

4. Вторичное захоронение, устанавливаемое археологами

в дольменах, — скученность останков, накрытых иногда черепом, — также находит свою параллель в фактах исторической этнографии абхазов: так называемое «воздушное погребение», о котором имеются указания и в письменных источниках, почитание черепа как вместилища души и мудрости, выражения «предать земле кости» (ибаџа анышә и ргеит) в смысле «похоронить покойника», «вздернуть тебя лианами» (азахау ухарцааит) как формула страшного проклятия и другие фразеологические окаменелости.

5. Однотипность закавказских и северо-кавказских дольменов, несмотря на существование некоторых локальных различий, близость их инвентаря свидетельствует о том, что дольменная культура на Кавказе создавалась в довольно однородной этнической среде, проявлявшей однако уже признаки не только социальной, но и этнической дифференциации.

6. Если кавказские дольмены действительно принадлежат предкам абхазо-адыгских племен, то из этого напрашивается вывод о том, что последние, являясь одним из древнейших культурных народов Кавказа, непрерывно занимают нынешние в основном места своего обитания по крайней мере с конца III тысячелетия до н. э.: абхазские дольмены, отличающиеся наибольшей архаичностью, некоторыми исследователями датируются рубежом III — II тысячелетия до н. э. Вместе с тем строительство таких сложных и трудоемких сооружений могло быть осуществлено только объединенными усилиями оседлых земледельческо-скотоводческих общин, достигших значительного хозяйственного и культурного развития.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
